

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

«РОДИНА» НАША

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У СЕВЕРНОЙ
ДЕРЕВНИ?

Анатолий Ехалов

**«Родина» наша. Есть ли
будущее у северной деревни?**

«Издательские решения»

Ехалов А.

«Родина» наша. Есть ли будущее у северной деревни? /
А. Ехалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960630-3

Это книга о непреходящем: о родине, деревне, корове, мифической прародительнице славянского племени... Это прошлое, настоящее и будущее современного животноводства. В центре книги — Геннадий Шиловский, самородок из деревни Переборы с отрогов Северных Увалов, хранитель деревенских устоев и создатель самого современного в стране молочного производства и многие другие крестьянские сыны, прославившие русскую деревню...

ISBN 978-5-44-960630-3

© Ехалов А.
© Издательские решения

Содержание

Вологодское Беловодье	6
Предисловие	7
Под звездным небом	10
«От Череповча до Луковча...»	13
Основатель нового Беловодья	16
Сказания о Вологодской корове	23
Барыня Белава	23
Чемпион Вена	25
Беспартийный орденосец	28
Луга медовые	29
Коровья психология	30
На земле будущего	32
Зубры селекции	33
С иностранным клеймом в ухе...	35
Неудача Лысенко	38
Общая судьба	41
Свидетелем в Нюрнберге	43
Пастораль без коровы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

«Родина» наша Есть ли будущее у северной деревни?

Анатолий Ехалов

© Анатолий Ехалов, 2019

ISBN 978-5-4496-0630-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вологодское Беловодье

Предисловие

... Однажды я путешествовал со своим товарищем-журналистом из столицы по Вологодчине, и он под конец наших поездок спросил:

– Я не видел в ваших лугах ни одной коровы и усомнился в справедливости того, что ваш край считают молочным.

– Ты что, не знал? – удивился я. – Уже лет десять, как коров заменили биохимическими установками по производству искусственного молока!

Я пошутил, но как-то пошутил убедительно, что даже сам в это едва не поверил.

– И теперь, – говорил я, – все эти кефиры, ряженки, «домики в деревне», «резные палисады», сливки и сливочное масло, которые вы потребляете в Москве – всё это делают из молока, полученного на этих установках!

Товарищ был ошарашен, но вынужден был поверить. Биохимия нынче шагает семимильными шагами. Он как-то сник, потерял интерес к молочным витринам в супермаркетах, даже на вологодское масло перестал восторженно реагировать. Так что пришлось исправляться: вести его на ближайшую ферму, договариваться с руководством хозяйства, ветслужбой, чтобы пустили столичного человека взглянуть на настоящую живую корову.

Это был колхоз «Родина», самое знаменитое хозяйство на Вологодчине, да и на всем пространстве матушки России, таких гигантов не много, по пальцам можно пересчитать. Помню, мы попали на «контрольную дойку». Это своеобразный экзамен для коров, когда по взятым у них пробам молока определяется жирность, содержание белков, протеинов и еще масса других показателей, по которым будут составлять индивидуальные рационы и определять витаминные добавки и иные элементы, необходимые для полноценной жизнедеятельности и молокоотдачи.

Как раз замеры брали у коровы по кличке Жара, величавой, холеной красавицы, белого с редкими темными пятнами окраса. Так вот в утреннюю дойку она дала 18 литра молока, в обеденную – 19, а про вечернюю мы не могли узнать, потому что к тому времени уехали в город, но, наверное, литров под двадцать дала тоже. И это была, в общем-то, рядовая корова.

Эти результаты поколебали мою гордость за землячку, знаменитую шекснинскую корову Вену, которая в сороковых годах установила мировой рекорд по суточным надоям молока – 82, 4 литра... И рекорд этот продержался 17 лет, пока его не побил кубинская корова Убре Бланка – Белое Вымя, надоившая 127 килограммов молока. Сегодня в Гаване стоит памятник этой легендарной корове. Наша легенда удостоилась быть выставленной в виде скелета на зоотехническом факультете Вологодского молочного института. Но и он был утрачен при очередной реорганизации...

Реорганизация... Вот, наверное, ключевое слово нашего беспамьяства. **Революция, реорганизация, ревизия, репрессия, рецессия...** Все эти слова-заклинания имеют приставку «ре», означающую «движение назад» или «откат»... Теперь вот в рамках бесконечных и непонятных **реформ** придумали еще оно ключевое слово: «оптимизация...», которое так же к развитию нас не призывает... А вот к оптимизации памяти ведет напрямую: потому что хранителей памяти оптимизировали, вычистили из нашей жизни, переписали, вычеркнули прошлое, что бы нынешнее «кое-как» и откровенное «хуже некуда», выглядело более или менее сносно...

Мне давно мечталось и хотелось развить эту коровью тему, копнуть ее поглубже, поискать корешки молочного животноводства здесь на Севере. Не зря предки наши искали мифологическое Беловодье, где «земля полна молока и меда». Искали, искали и, видимо, нашли, обрели его... Беловодье —то.

Мы снимали с Валерием Татаровым, известным телеведущим из Санкт-Петербурга, фильм о нашем великом земляке Николае Васильевиче Верещагине, создателе молочной отрасли в той дореволюционной царской России, о которой мы все чаще вспоминаем со вздохом сожаления. А дело его с революцией не погибло, а осталось и окрепло в колхозах, в сети малых сепараторных, сыроварен, головных маслозаводов, о которых мы так же вспоминаем сейчас со вздохом сожаления.

Так вот, снимая этот фильм, приехали мы к созданной еще при коммунистах искусственной гидросистеме, отсекающей гигантской дамбой весенние воды Сухонских разливов.

Было ранее утро. Мы запустили квадрокоптер, способный улетать от оператора на пять и более километров, фиксируя на видео картины природы, остающейся внизу. И мы были потрясены: в лучах восходящего солнца под камерой лежали необозримые территории такого могучего, густого цветущего разнотравья, которое могло на поверхности своей удержать садящихся на него птиц...

Это было то самое разнотравье, лучше которого нет и не может быть во всем мире... Невостребованное, заброшенное, забытое пространство, способное накормить и напоить десятки, сотни тысяч человек... Дать лучший в мире продукт, называемый Вологодским маслом...

Эти пространства в десятки тысяч гектаров заливных присухонских лугов при желании легко увидеть из окон правителей Вологодской области, для которых наш знаменитый земляк, как политическое завещание оставил эти записки: «Государству, имеющие такие заливные луга, не нужны золотоносные прииски...»

И верно, во второй половине 19 века, крестьяне Сибири, а затем и Северо-Запада, следуя советам и рекомендациям Верещагина по созданию маслодельческих артелей, за несколько лет вышли по производству и продаже коровьего масла самого высокого качества на такие показатели, которые превзошли результаты всей золотодобывающей отрасли Сибири.

И вот из года в год десятилетиями уже зарастает и уходит в небытие это заливное Беловодье нашего края... Сегодня все чаще в руководящих кругах можно слышать заявления, что производство сельскохозяйственной продукции в наших условиях слишком дорогое удовольствие. И что это обстоятельство стало причиной того, что наша область не попала ни в одну из 14 агломераций, разработанного либеральными экономистами проекта пространственно-территориального развития России. А потому развития у нас не предполагается, а есть необходимость сокращать посевные площади и освобождающиеся пространства зарастивать лесом.

Да что же это, у нас память, что ли напрочь отшибло...

Эта книга о непреходящем: о родине, деревне, корове, мифической прародительнице славянского племени... Это прошлое, настоящее и будущее современного животноводства. В центре книги – Геннадий Шиловский, самородок из деревни Перебор, хранитель деревенских устоев, и создатель самого современного в стране молочного производства.

Под звездным небом

В детстве самым любимым занятием у меня была пастьба деревенского скота. Мне жалко тех, кто не бывал в ночном. Впрочем, я и слов не буду тратить, потому что рассказать какие чувства ты переживаешь в ночном, дело невозможное. Это нужно самому пережить.

И мы бегали с мальчишками в ночное к пастухам. Одно время у нас появился в деревне необычный человек, совсем не деревенского склада. Рассказывали, что человек тот не просто специалист, но даже ученый, судьба которого выбросила из городов в наш колхоз. И этот человек устроился к нам на ферму пасти колхозное стадо.

Кто-то может быть, усмехнется – мол, профессия пастуха всем известна. Пьяницы и зимогоры, бобыли к тому же. Но кто ближе деревенскую жизнь и традиции ее знает, тот понимает, что на пастухе лежит чрезвычайная ответственность за скот, а значит, за всю деревню и ее благополучие. Пастух на деревне – высшая категория ремесел, которые бытовали прежде. Чего только не должен знать и уметь пастух. И природу, и приметы, и травы, и повадки зверья, и скотские болезни и лечение их, заговоры, предания и сказки, которыми в ночном можно побаловать ребятишек и взрослых.

И вот у нас появился в пастухах необычный ученый человек, и мне удалось побывать с ним несколько раз в ночном.

...На костре варилась уха, булькал кипяток для чая. Скотина давно уже устроилась на ночлег, расположившись полукругом у нашего становища. Мой старший товарищ не спешил с рассказами, которых я жаждал более всего.

– Вот погоди, проглянут на небе звезды, с них и начнем разговор. – Добродушно отклонял он мои расспросы.

Долго не гасла заря. Солнце уже давно скрылось за темными кряжами леса, а сполохи и отблески его все еще играли в полнеба. Наконец, у горизонта проклюнулась одна звезда, вторая и вот, словно по команде волшебной палочки над нами засверкала вся гирлянда небесной люстры. Мы лежали на траве, подложив под головы фуфайки, и вглядывались в призывный свет мерцавшего созвездиями неба.

– Ты видишь Большую Медведицу, – спросил пастух дядя Паша.

– Вижу. Вот она, семизвездная, светится над нами. – Отвечал я.

– А теперь найди Малую Медведицу. – Попросил дядя Паша.

– Нашел... Вот она... Малая.

– Так вот, милый друг, в очень древних преданиях – «Ведах» много тысячелетий назад это созвездие называли – Небесной коровой Земун.

– Коровой?! Как она на небо попала? И почему ее звали Земун?

– Не спеши, друг мой, – придержал меня дядя Паша.

– Я еще не все сказал про это созвездие. Так вот в него входила еще одна звезда – восьмая.

– Восьмая? – Тут я завис.

– Если было восемь, то куда же девалась еще одна. Она что, упала с неба, сгорела, взорвалась?

– Ни то, ни другое, ни третье, – отвечал спокойно пастух. – Восьмой звездой было наше Солнце.

Тут меня просто подкинуло. Шутит что ли надо мной дядя Паша? Я к нему с полным расположением, а он как с дурачком со мной разговаривает. Что я не знаю, где Солнце, а где Медведица?

– Этого не может быть! Оно такое огромное, оно не могло прилететь к нам, переместившись на миллионы световых лет! – Возмутился я.

– Это если смотреть с Земли. – Возразил бесстрастно дядя Паша.

– А ты представь себя в другой точке галактики. А что, если ты видишь звездное небо с Млечного пути? Вон с той его части. – Пастух показал посохом на сияющий таинственным и призывным светом Млечный путь. Я оторопел. То, что сказал мой ночной собеседник, никак не укладывалось у меня в голове.

– А как туда попасть, в эту точку? Даже если со скоростью света лететь – жизни не хватит.

– А кто скажет, может, мы пришлые на этой Земле? – Все так же невозмутимо отвечал дядя Паша. – А вот память человеческая имеет такие свойства, что и через сотни, тысячи поколений сохранила отблески минувшего. Подумай об этом. – Озадачил меня пастух.

Я был ошарашен открывшимся передо мной возможным вариантом происхождения человека на Земле. Верить в происхождение себя от обезьяны не хотелось как-то.

Я долго лежал молча, пытаюсь привыкнуть к новым для себя горизонтам человеческого бытия. И то верно, столь примитивному развитию человека с палкой-копалкой в шкурах, которое преподавали нам в виде истории в школе, тоже не хотелось верить, хотя так привычной... И может быть, спокойней.

А если ты потомок пришельцев с дальней планеты, погибшей в результате катастрофы, тогда и ответственность за то, что происходит сейчас на Земле, на тебя ложится большая...

– А кто она такая – Небесная корова Земун? Ты хотел рассказать мне. —Спросил я, наконец, дядю Пашу, пока меня не тревожащего.

– Скажу. – Отозвался дядя Паша. – Наши древние предки, а вместе с ними и египтяне, и немцы, и греки, и многие другие народы считали, что Вселенная появилась от Небесной коровы, а Млечный путь – её молоко.

– Ох, как это все интересно! – воскликнул я, разглядывая Млечный путь.

– У славян в те времена единым Богом считался могущественный бог Род. – Продолжал пастух. – Это он создал Небесную корову, грозного бога Сварога, богиню любви Ладу, Ярилу-солнце и многих других славянских божеств. Вот от него-то и был рожден Небесной коровой покровитель скота и пастухов, охотников, земледельцев бог Велес... Услышав это имя, я сел и уставился на моего старшего товарища со страхом. Мне показалось, что рядом со мной коротает эту ночь славянский бог и покровитель скота Велес Пастух понял мое волнение.

– Успокойся. До Велеса мне далеко.

– Расскажите про Велеса еще, – попросил я. – Мифы говорят, что Велес был одним из величайших богов древнего мира. Считалось, что его главным деянием стало то, что он привел сотворенный Родом и Сварогом мир в движение. День стал сменять ночь; за зимой последовали весна, лето и осень; за выдохом – вдох, после печали – радость. От него люди учились преодолевать трудности и ценить счастье. А направляющей силой этого движения является Великая Любовь.

– Любовь?

– Да друг мой, любовь. Любовь мужчины к женщине, например. Без этого чувства мир быстро бы остыл и остановился в своем вращении. Именно об этой силе написал итальянский поэт Данте в «Божественной комедии»: «Любовь, что движет Солнце и светила». ...Опять поразил меня дядя Паша. И я опять надолго погрузился в раздумья. Раньше я никогда об этом не думал. Правда, были у меня в школе странные чувства, которые я испытывал время от времени к некоторым девчонкам. Они мне нравились. Но чтобы представить, что за всеми этими чувствами стоит какой-то древний, одетый в звериные шкуры бородастый Бог моих дальних предков Велес, и что эта любовь движет солнца и светила, я и в сновидениях бы не смог.

– А дальше, дядя Паша. Говорите дальше, – очнулся я. – А откуда вы все это знаете, дядя Паша? – Спросил я озадаченно, потому что я даже краешком уха не слышал, ни о чем подобном.

Пастух ответил не сразу, долго раздумывал:

– Все, друг мой, не просто. Многие знания на протяжении столетий были утрачены. Но наше сознание так устроено, что придумать то, чего не было или нет, невозможно. Все о чем

мы сможем подумать или было или есть. Вот и у меня эти знания из древних преданий, мифов и легенд, книг, наконец. – Отвечал неспешно Велесов. – Именем Велеса – названа священная книга славян – Велесова книга. Некоторые ученые ставят под сомнение ее древность и истинность, однако на то они и ученые, чтобы спорить друг с другом. Так вот, во времена рождения мира, говорится в этой книге «Велес —небесный пастух шёл в ночи по Млечному Пути, что излился из сосцов Небесной Коровы Земун. Он гнал по небу коров – дочерей Земун. И то молоко – суть небесная Ра-река», что течет над земною Ра-рекою, которая суть грань между Явью и Навью, между Русью и миром иным, не ведомым, куда ушли пращуры русичей».

– Ра-река? Что это? – переспросил я.

– Небесная – Млечный путь, а земная – Волга. Название ее тоже происходит от Велеса. Велес, Волос, Вол... А «га» это движение...

– А куда ушли русичи? Ты сказал они куда-то ушли?

– По древним преданиям жили они на другой планете, которая была разрушена злыми Кощеями и превращена в астероиды. А люди перебрались на Землю, которая прежде называлась планетой Митгард. Но они знают, что где-то далеко в небесных чертогах есть их Прародина. Разлитое Небесной коровой молоко и есть тот путь. Эта воспетая в сказках и преданиях молочная река, окруженная кисельными берегами, течет в Ирий-рай, где нет смерти и рождения, где вечное лето и вечная радость. По кисельным берегам реки там растут волшебные молодильные яблони. Так что, отправившийся в посмертное путешествие по этому пути человек, мог отведать тех яблоков и прибыть в Рай молодым, здоровым и счастливым. И все благодаря Земун!

«От Череповча до Луковча...»

«От Луковча до Череповча шеснацать верст, а от Череповча до Луковча – осьмнадцать», – частенько приговаривала моя бабушка, когда возникала какая – нибудь непонятная ситуация. А разгадка этой приговорки была проста, дореволюционная: это когда мужики возвращались с ярмарки из Череповца домой, то сворачивали в кабак выпить рюмку другую за успешную торговлю, и путь их становился на версту длиннее.

Но что это за Луковец, в который они возвращались: город, село, деревня? Может, это только в присказке существует некий сказочный Луковец, которого нет ни на одной карте в окрестностях Череповца? Луковец этот вспомнился мне, когда пытался разыскать другое село в окрестностях Череповца – Любец. В этом селе, родовом имении дворян Верещагиных, был похоронен в 1907 году теперь великий, чего уж там скромничать, для России человек – Верещагин Николай Васильевич – родной брат знаменитого художника Василия Васильевича Верещагина, кости которого покоятся на дне Японского моря вместе с адмиралом Макаровым.

...А Череповец, он же Череповесь, Луковец, он же Луковесь, Любец, он же Любовесь – древние поселения племени «весь» по берегам реки Шексны.

Такую еще присказку хранит память от бабушки: «Черепана – те же англичана, только нарециё на «це». Или еще так: «Маменька, подай чюлоцки, в уголке на пеце...»

Череповцу несказанно повезло. Он был основан на высоком холме – «черепе», а вот Луковец, Любец, Пертовка, второе имение Верещагиных, ушли под воду при заполнении Рыбинского водохранилища в сороковых годах прошлого столетия, как ушли вместе с ними более 700 сел, деревень, город Молога и большей частью Весьегонск.

Ушли, и вместе с ними, теперь уже неизвестными деревнями, ушла наша память, унесли ее воды Леты, замыло песком забвения.

Конечно, на Лету и песок свалить наше беспамятство проще, чем предъявить к себе претензии. А вот что же я сам не перенял бабкин опыт прошлого, не выпросил, не позаписал, как все было при ее жизни: кому кланялись, кому молились, о чем мечтали и как жизнь строили? Что, не хватило нескольких вечеров на это душевное общение под диктофон или карандаш?

Наверное, пронадеялся на учебники по истории, где все грамотно, исторично, проверено... А вот и напрасными оказались надежды на ученых историков и политиков: так все перемешали, как перевернули и вывернули, что только и остается тревожная растерянность: а с нами ли все это было и было ли?

Одно только могу сказать: историю мы должны писать сами. Историю семьи, рода, деревни, края, страны. Писать через собственный опыт, судьбы...

Начало нынешнего октября я встретил в Городище на Рыбинском водохранилище. Знаменитое древнее поселение сегодня превратилось в ухоженный дачный поселок под Череповцом, приют любителей природы, домашних огурчиков и помидорчиков, большой воды, рыбалки и охоты.

Еще раз скажу, мы снимали с Валерием Татаровым документальный фильм о Николае Васильевиче Верещагине, основателе молочной кооперации в царской России, закрепившего в России технологию производства знаменитого Вологодского масла. Благодаря его усилиям, в конце девятнадцатого века Россия стремительно выдвинулась в мировые лидеры по производству и продаже коровьего масла. Его опыт организации молочного дела, позволил России получать доходы, значительно превышавшие доходы от добычи золота... Вот как!

Сегодняшняя деревня во много напоминает стоящую на распутье раскрепощенную и отпущенную на волю деревню 1861 года: «Иди, куда хошь.» Вот куда бы обратить нам взор: на дела, труды и задачи, которыми загружал себя наш великий земляк, чтобы выбрать собственный путь развития, не навязанный извне...

... В Городище нас ждали вчерашние крестьяне, а ныне «черепана», братья Красушкины, которые все свое свободное время отдают земле, лесам и воде. Несколько дней дул северный ветер и отогнал воду от городищенского берега.

На песке лежала обездвиженно самодельная яхта Красушкиных. Поехали на «Прогрессе», за два раза. Четырех человек в катер брать было никак нельзя, по морю ходили стада белых барашков. Однако погода подарила нам солнце, появившееся среди осеннего мокропогодья. И это радовало и вселяло надежду, что мы на правильном пути...

Километрах в семи от Городища на просторах Рыбинского водохранилища есть крохотный островок пятьдесят на пятьдесят. Песок да кусты ивняка. Это и есть Любец, вернее самая верхушка холма, на котором еще лет пятнадцать назад стояла колокольня, опираясь четырьмя подмытыми уже ногами на затопленную землю. Она рухнула прямо на Пасху... А до сороковых годов вокруг любецкого холма стояла деревня Любец, там была и усадьбы Верещагиных, в которой провел свои последние дни Николай Васильевич.

Здесь в церковной ограде недалеко от церковной стены его и похоронили. Было это, я уже говорил, в 1907 году, через два года после героической гибели знаменитого брата, незадолго великих потрясений.

Мне рассказывали рыбаки, что время от времени вода отступает и обнажается северный склон холма. Что видели они не однажды могильную плиту Верещагина, но потом льдинами плиту ту своротило, по один год обнажился гроб, потом льдами натащило валунов и все пропало под завалами огромных камней...

Мы ехали на «Прогрессе», влетая на гребни волн и падая жестко в провалы. Где там, в глубине вод лежали безмятежно останки Пертовки и Луковца. Лежали тысячи и тысячи человеческих судеб воплощенные когда-то в крестьянские дома, поскотины, хлебные нивы, барские усадьбы, маслодельни, мельницы, мукомольни, монастыри и церкви, кладбища с крестьянскими и дворянскими останками...

Катер не берега дойти не мог, было мелко. Я разделся и пошел босыми ногами по воде, готовившейся стать льдом. Волны тревожили песчаную косу, перебирая ушедшие давно года. То и дело попали под ноги глиняные черепки, осколки кирпичика, фрагменты церковной железной ограды. Я вышел на берег и перед моим взором предстали то тут, то там разбросанные горестные человеческие останки. Берцовые кости, челюсти с повыпавшими зубами, черепа, обломки досок, скорее всего гробов, крестьянская обутка, которой снаряжали в последний путь усопших крестьян...

Я поднял с песка одинокий опорок. Это была резиновая калоша, в которую когда-то был обряжен покойник... И эта сиротская калоша почему-то пронзила сердце более всего. Я подумал тогда: стоит ли ворошить прошлое? Ведь ничего же уже не поправить. И можно ли сейчас из нашего благоустроенного сегодня судить о прошлом, когда надо было вырвать Россию из разрухи, отсталости, подготовить к грядущей и неминуемой уже войне... Может быть, все правильно?

Но кости, разбросанные по всему приплеску, скорбели и молчаливо вопрошали о милости.

– Видите вот эту каменную гряду? Вот здесь, по всей вероятности, и будет могила Николая Верещагина, – сказал Виктор Красушкин, сопровождавший нас, – сейчас она под водой, но не глубоко. Там она, если от нее что-то осталось...

Вы знаете, какая страшная сила у ледохода? Льдины ворочают такие валуны... Бывает за одну весну картина меняется резко... Колокольню посмотрите, как размолола вода. Тротилом так не разбить, а волна тихая, ласковая, все размывает...

На этой каменной гряде мы и решили оставить привезенный крест и венок Николаю Васильевичу в память от создателей будущего фильма о создателе вологодского масла...

– Мистика какая-то, – сказал Татаров. – Оба брата Верещагина покоятся под водой. Один на восточном краю отечества, другой здесь вот. Под водами искусственного моря

...27 октября в Череповце в доме-музее Верещагиных мы снимали традиционные уже мероприятия в память о семье Верещагиных. Сделали театрализованное представление и погрузились во времена царствования Александра второго, а может быть и третьего. А дети из Череповецких школ приготовили свои рефераты о семье Верещагиных и выступили с ними на конференции в городской усадьбе, стены которой дышат таким уже далеким прошлым. Далеким и близким одновременно.

Основатель нового Беловодья

«Для того, чтобы объяснить, почему я занялся молочным хозяйством и притом не частным делом, а общественным, прошу позволения обратиться к тому времени, когда мне пришлось начать заниматься сельским хозяйством. По образованию моряк, я при всем желании не мог приучить себя переносить морскую качку, и из офицерских классов Морского корпуса перешел в Петербургский университет. Здесь на естественном факультете я, между прочим, посещал лекции профессора Светлова и в его горячей проповеди о травосеянии видел одну из лучших гарантий для обеспечения нашего скотоводства кормовыми средствами. Мне уже тогда рисовалось, что только усиленные заботы об улучшении скотоводства могут поддержать наше хозяйство...»

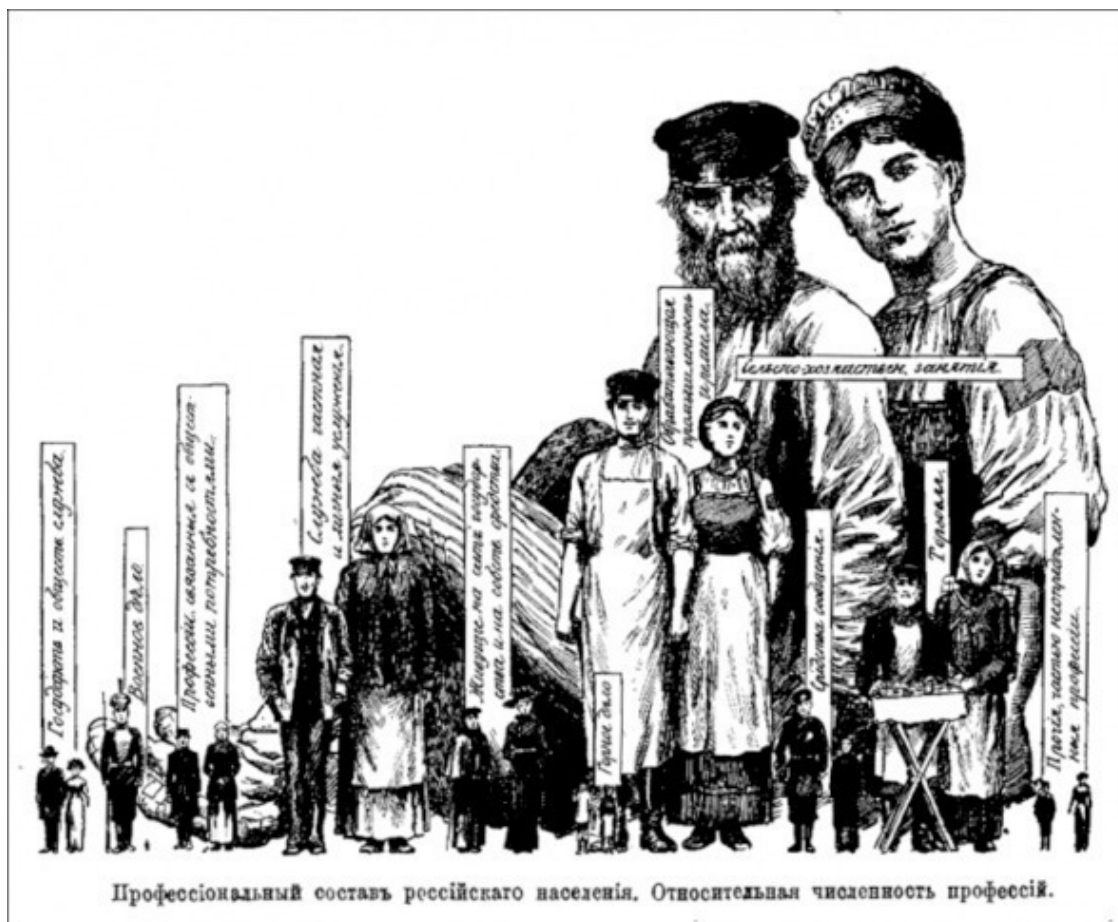
Это выдержка из письма Николая Васильевича Верещагина министру земледелия Ермолову, в котором он объясняет причины своего увлечения молочным хозяйством. Николай Васильевич родился в деревне Пертовка, родовом имении Верещагиных 13 октября 1839 года. Сегодня это древнее селение, как и второе родовое имение Любец, покоится на дне рукотворного моря – Рыбинского водохранилища. А вверху на беспокойной поверхности его скандалят чайки, сверлят пространство лодочные моторы, проплывают, похожие на многоэтажные дома, лайнеры и нефтегрузы. И всего в нескольких километрах в небо поднимаются дымные трубы Череповецкого металлургического комбината. Когда ветер дует в сторону города, кажется, что молочные реки дымов затопляют и весь город.

А именно эти речные долины, покрытые сегодня «несамородными водами», видел Верещагин источником будущих молочных рек, которые должны были вывести Россию в мировые лидеры сельскохозяйственной продукции.

В воспоминаниях Череповецкого головы Ивана Милютина есть строки о том, как в Череповец, маленький уездный городок из Пертовки, пешком по льду прибегал на работу в земское собрание Николай Васильевич Верещагин. В валенках, полушубке, с замотанным на шее шарфом, в меховой шапке и меховых рукавицах...

Николая Васильевича Верещагина сегодня чаще всего называют изобретателем технологии по производству Вологодского масла. Но скорее всего способ глубокой пастеризации сливок был известен давно и в России, и в Европе. И приглашенная Верещагиным семья сыроваров Буманов из Голштинии, организовавшие производство коровьего масла под Вологдой, так же воспользовались уже известным рецептом.

Верещагина называют организатором молочной отрасли в России. И это так. Но этого мало... Надо представить Россию, вернее, русскую деревню после реформы 1861 года, когда крепостное право было отменено. Наступила свобода, воля, тревожное, волнуемое «иди куда хошь...»

Жизнь предложила многим миллионам крестьян задачу, которую большинство не могли решить самостоятельно. Как жить, чем заниматься, каким способом извлекать средства для существования? И появление Николая Васильевича Верещагина на небосклоне общественной жизни, имеющего свой собственный план развития сельского хозяйства страны, сродни божественному откровению.

Верещагин появился в самый нужный, критический для государства момент. Можно сказать, что сегодня наша северная деревня ждет своего Верещагина, потому как ситуация на селе во многом схожа с ситуацией пореформенной России 1861 года.

Все так же нет государственного заказа на продовольствие, которое наше правительство предпочитает получать не из хладных просторов России, а из продвинутого Зарубежья. Так же велико количество незанятого трудоспособного населения в деревнях и составляет по некоторым данным около 20 миллионов человек...

Московский журналист, биограф Н. В. Верещагина А. Гутерс пишет о нем:

«Николай Васильевич родился в семье потомственного дворянина, отставного коллежского асессора Василия Васильевича Верещагина. В семье было четыре сына, и все они оставили след в истории России. Второй сын – Василий Васильевич стал великим русским художником-баталистом. Сергей Васильевич обнаружил большие способности в рисовании, будучи ординарцем М. Д. Скобелева в годы русско-турецкой войны, удивлял всех храбростью, но, к сожалению, погиб при штурме Плевны. Александр Васильевич так же участвовал в русско-турецкой войне, его «военные» рассказы хвалил Л. Н. Толстой, потом он служил на Дальнем Востоке в чине генерал-майора.

В 1861 году Николай Васильевич вышел в отставку лейтенантом и женился на простой крестьянке. Николай Васильевич задумал большой проект преобразования российской

деревни через расширение молочного животноводства, развитие артельного сыроварения, в котором кооперация становилась тем движущим средством, которое может способствовать интенсификации и крестьянского и помещичьего хозяйства и выступать в роли защитника малого производителя перед крупным капиталом. В Пертовке были свои сыроварни, принадлежавшие иностранцам из Европы. Простодушный Верещагин попытался постичь у них секреты сыроделия, но получил решительный отказ. Иностранцы боялись конкуренции.

Пришлось отправиться с молодой женой за границу, в Швейцарию. И там мастера-сыроделы щедро поделились с Верещагиным секретами мастерства. И даже снабдили его свидетельством мастера-сыродела.

Верещагин вернулся в Россию и тут же обратился в вольное экономическое общество с предложением «сделать опыт устройства артельных сыроварен». Николаю Васильевичу было в ту пору 26 лет. Однако общество поддержало идею молодого дворянина, пекущегося и народном, и государственном благоденствии.

Деньги имели определенный адрес, они были завещаны на улучшение Тверских хозяйств, поэтому Верещагину пришлось ехать в полузаброшенную тверскую пустошь Александровскую. Жена во всем помогала Николаю Васильевичу. Они арендовали две избы, в одной устроили сыроварню, а во второй жили сами, выполняя все хозяйственные дела самостоятельно.»

Верещагин должен был доказать, что и в России возможно делать хороший сыр и масло, что этим могут заниматься простые крестьяне. Поэтому он одновременно с созданием производства начал обучение профессии всех, кто пожелает. Он не ставил перед собой задачу развивать личный бизнес, а стал прилагать усилия по созданию в округе артельных сыроварен и маслобоен. Коммерсантами становились многие его ученики, а Верещагин был одержим общественной идеей. В начале 1870 г. Н. В. Верещагиным была подана докладная записка в Министерство государственных имуществ о необходимости устройства в России школы молочного хозяйства, и в 1871 г. в с. Единонове Тверской губернии такая школа была создана.

Кроме грамоты и счета, в Единонове учили делать сгущенное молоко, честер, бакштейн, зеленый и французские сыры, сливочное масло; велись опыты со швейцарским сыром; голландский и эдамский сыры готовили в филиале школы в с. Коприно (Ярославская губерния). Единоновская школа существовала до 1894 г. и за этот период подготовила более 700 мастеров. Среди учителей Единоновской школы была и семья голштинцев Буман.

Когда закончился срок их контракта, Верещагин помог им открыть собственную маслодельню под Вологдой. Они принимали стажеров из Единонова и держали собственных подмастерьев. За 30 лет Буманы обучили около 400 мастеров. На базе их образцового хозяйства в 1911 г. был создан Молочный институт – первое подобное учреждение в России (в настоящее время – Молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина)

Н. В. Верещагину приписывают заслугу в создании способа изготовления уникального масла, которое он называл «Парижским». Вкус этого масла достигался за счет кипячения сливок и был схож со вкусом масла, изготавливаемого в Нормандии. Появившееся на рынке в Петербурге «Парижское» масло заинтересовало шведов, которые, узнав технологию его изготовления, стали делать такое же масло у себя и назвали его «Петербургским».

Название «Вологодское» данное масло получило лишь в 1939 г. согласно приказу Народного комиссариата мясной и молочной промышленности Союза ССР «О переименовании названия «Парижского» масла в «Вологодское».

Мне рассказывал об этом эпизоде В. А. Ардабьев, бывший в восьмидесятых годах начальником областного управления сельского хозяйства. А ему в свое время эту историю поведал член-корреспондент академии ВАСХНИЛ А. С. Емельянов, который руководил научно-исследовательским институтом молочного и луго-пастбищного хозяйства в Молочном, во многом ставший продолжателем дела Верещагина.

В 1939 году была открыта выставка достижений народного хозяйства СССР. И вот на заключительный банкет к передовым животноводам страны пришел И. В. Сталин. Подавали на стол и знаменитое «парижское» масло.

Тогда Сталин спросил: «А почему это масло называется так. Где его изготовили?»

– Это масло произведено в Вологде, – отвечал Емельянов.

К тому времени у Емельянова был орден Ленина за достижения по раздую коров.

– Я был в ссылке в Вологде, – вспомнил Сталин. – И вот там хозяйка готовила такое же вкусное масло. Это неправильно, что его называют «парижским». Оно должно называться «вологодским». И тут же вышло распоряжение наркома.

Но вернемся к Верещагину. Постепенно деятельность его стала приобретать общественное признание: продукция организованных им сыроварен и маслодельных артелей получает

награды на выставках, его приглашают выступить с докладами на заседаниях вольного экономического общества, избирают в члены Московского общества сельского хозяйства.

На международной выставке молочного хозяйства в Лондоне в 1880 г. русский отдел был признан экспертами лучшим, а Н. В. Верещагин получил большую золотую и три серебряные медали и первую премию за сыр «честер».

Естественно имелись и скептики, которые считали, что российский скот в силу своих генетических особенностей не может быть высокопродуктивным, поэтому начинания Н. В. Верещагина обречены на неудачу.

Верещагину пришлось организовать три экспедиции для обследования русского скота, чтобы реабилитировать «ярославок» и «холмогорок». Многих усилий стоила работа по просвещению и обучению крестьян гигиене, культуре производства. Технология изготовления сыра требует особой чистоты, а крестьяне часто сдавали молоко в грязной посуде, нередко разбавленное, от больных коров. Пришлось налаживать систему проверки качества молока.

Вот что пишет о том времени биограф Верещагина московский журналист А. Гутерс.

«Сложной была ситуация с кредитованием артелей. Правительство, боясь, что в деревне может развиваться ростовщичество, ограничивало возможности получения банковских ссуд крестьянами. Верещагину пришлось добиваться разрешения на ссуды молочным артелям от Госбанка под вексель поручителя. Кроме того, вместе с «князем-кооператором А. И. Васильчиковым» они начали создавать ссудно-сберегательные товарищества взаимного кредита.

Доля народного дохода, приходящаяся на одного жителя в разных странах.

Чтобы шире распространить свои идеи, Н. В. Верещагин начал выступать в печати. Его статьи стали появляться в ежегодниках ВЭО. В сентябре 1878 г. по его инициативе начала выходить газета «Скотоводство». Правда, просуществовала газета недолго – чуть больше двух лет. Позднее Н. В. Верещагиным был основан «Вестник русского сельского хозяйства», который издавался двенадцать лет. Там было опубликовано 160 статей Николая Васильевича.

Став в 1889 г. председателем Комитета скотоводства при МОСХе, Верещагин ввел в практику ежегодные выставки областного крестьянского скота, что заставило заниматься этим делом и земства. Н. В. Верещагин обращается с проектами и ходатайствами к железнодорожным компаниям, к правительству с требованием создания вагонов-холодильников, понижения тарифов на перевозку скоропортящихся грузов, увеличения скорости их продвижения, указывает на международный опыт и т. д.

Благодаря его настойчивости перевозка молочных продуктов постепенно стала в России образцовой. Усилия Н. В. Верещагина стали приносить результаты.

До начала его деятельности Россия практически не вывозила в Европу сливочного масла. В 1897 г. его экспорт составил более 500 тыс. пудов на сумму 5,5 млн. рублей, а в 1905 г. – уже 2,5 млн. пудов на сумму в 30 млн. рублей. И это не считая продуктов, которые потреблял внутренний рынок. Интересы развития молочного хозяйства стали учитываться Министерством образования, Министерством путей сообщения, Главным управлением торгового мореплавания и портов, другими ведомствами. Нормой стали междуведомственные совещания и заседания Государственного совета по вопросам развития маслоделия.

Когда началось движение поездов по Сибирской дороге, Верещагин командировал за Урал бывшего «странствующего маслодела» В. Ф. Сокульского и посоветовал поехать с ним купцу А. А. Валькову. Их усилиями маслодельные заводы в Тобольской губернии стали множиться не по дням, а по часам. Сказочному росту заводов вдоль дороги Курган – Обь способствовали три обстоятельства. Сибирские переселенцы имели хороший артельный навык, государственный кредит стал доступен, производственные затраты были просчитаны до сотых долей копейки и с такой же точностью выверены социальные последствия всех мероприятий, связанных с маслоделием.

Уже в 1901 г. из Сибири вывезли в Европу около 30 000 тонн масла на сумму 23 миллиона рублей, из которых две трети получили крестьяне за сданное молоко. Грандиозный размах, сложность начатого дела и в то же время непоследовательность Министерства земледелия вынуждали Верещагина нарушать сроки ссуд и превышать разрешенный ему кредит.

Верещагин, заложив имение, постепенно отошел от дел и ограничился обязанностями штатного консультанта Министерства земледелия и председателя Комитета скотоводства ИМОСХ.

В последние годы жизни Николая Васильевич отошел от практической работы, передав ее своим сыновьям. Последним его делом стала подготовка русского отдела молочного хозяйства для Всемирной выставки в Париже (1900). Экспонаты отдела получили множество высших наград, а весь отдел в целом – почетный диплом.

Жизнь Николая Васильевича Верещагина – это жизнь подвижника, фактически создавшего в России новую отрасль народного хозяйства: маслоделие и сыроварение. Не имея средств и влиятельных связей, одной лишь силой убеждения и личного примера он сумел всколыхнуть в чиновничьих кругах, земстве, крестьянских хозяйствах многих губерний интерес к повышению эффективности молочного скотоводства путем углубленной переработки молока. Результатом его деятельности стало вхождение России в начале XX в. в число ведущих мировых экспортеров масла. Умер Николай Васильевич в Пертовке, окруженный вниманием своей семьи.»

На траурном заседании МОСХ выступил князь Г. Г. Гагарин: «Я всегда поражался глубиной любовью Николая Васильевича к избранной деятельности и искренним желанием в этой сфере помочь своему ближнему. Перед этим альтруизмом и любовью я и преклоняюсь, так как твердо убежден, что не личные интересы даже не широкие научные познания и труды двигают вперед намеченное дело, а главная сила на всех поприщах человека есть любовь».

Сегодня наше правительство с гордостью заявляет о том, что Россия вернула себе место в экспорте продовольственной пшеницы. Известно, что за рубеж уходит на продажу лучшее зерно, а на внутреннем рынке остается лишь четвертой – пятой категории, из которой испечь хлеб без примесов невозможно. А молока на нужды страны не хватает более миллиона тонн. Это следствие не востребованности и запущенности северных нив и лугов.

Сказания о Вологодской корове

Барыня Белавя

Когда-то была у меня долгая беседа с дояркой из-под Вологды Ниной Пасхиной. Мы сидели с ней в благоустроенной, почти городской квартирке, пили чай и она поведала мне такую историю:

– Нет-нет, и привидится она во сне. – Рассказывала Пасхина. – Стоит будто бы у ворот и смотрит с укоризной, словно в душу заглядывает: " Мол, что же это ты хозяйка меня позабыла? Все коровы давно по дворам, одна я, словно сиротина бездомная.»

Проснусь в городской квартирке своей вся в слезах: «Господи! Да что же это такое, что же ты память-то мою не отпускаешь? Столько ведь лет прошло...» Думаю, краше моей Белавы во всем свете не было, А уж какая умница-разумница! Бывало стадо с поскотины идет, Белавя завидит меня, голос подает.

Бабы мне: «Нина, твоя труба впереди всех, словно барыня вышагивает».

Три ведра молока на дню надаивала от нее. А молоко-то какое! На три пальца сливок настоит в кринке. Каждый год теленочка принесет. Мы ее уже коровкой купили в соседней деревне. Мама мне присоветовала: чтобы, говорит, корова обратно к хозяйке не убежала, ты, говорит, у себя на дворе нательную рубаху сними и протри корову рубахой с головы до ног, чтобы она дух твоего дома на себя приняла...

Так я и сделала. С первого дня дорогу к дому Белавя нашла. Мы с ней душа в душу жили. Уж я ее словом худым не обидела, пойло готовила, хоть сама пей, сенцо мелкое давала, зеленое, солью посыпанное.

Да что там говорить, и в каждом доме корова за кормилицу и поилицу почиталась. Прежде так и вовсе у нас бабы мужние на голове кокошники: где рогатые носили, а где так и коровьим копытцем. Бабой да коровой, не в обиду будь мужикам сказано, дом -то держался.

Как-то вечером пригнали пастухи стадо в деревню, а моей Белавы нет. Кинулась я в поскотину – нет ее, по лесам да болотинам побежала – не чуть и голоса. Деревню всю на ноги поставила, каждый кусток и кочку обрыскали – пропала Белавя.

Пала я на землю сырую, зашла как по покойнику.

– Ах, ты мне, горе горькое, как же мне без тебя, Белавушка, жить, чем детей малых поить-кормить?! Сутки Белавы нет, вторые, неделя прошла. Я уж все ноги в кровь сбила в поисках, а тут мама советует: «Иди, говорит, Ниношка, в Загоскино. Там живет старушка-вековушка ясновидица, может она скажет чего.»

И тот час в Загоскино собралась, яиц решето да сала край в подношение и – в дорогу. Бабка и впрямь ясновидящей оказалась. «Иди, говорит, за гари, там за гарями попала твоя Белава в круг. Да иди, поспедай!» И подношения моего не взяла, а дала бутылочку со святой водой.

Побежала я за гари, и там в лесочке нашла свою Белавушку. Круг такой метров на двадцать в поперечине вытопан до земли, и ходит по нему моя Белава вся кожа да кости, ходит, еле ноги переставляет, качает ее бедную. Закричала я, что мочи есть от радости, а она и не чувствует, вроде, голову опустила, с губ пена падает.

Открыла я бутылку со святой водой, сбрызнула, благословясь, коровку, и тут передние ноги у нее подкосились и пала она на землю и замычала жалобно...

Вот какие чудеса бывали в прежние времена. Я бы и сама не поверила, если бы своими глазами не видела.

Или вот в нашем сельсовете жил такой человек, глаз у него, сказывали, был недобрый. Как-то молодые поехали на колхозном жеребце проведать родню в соседнюю деревню, а жеребец-то был такой: как пойдет махать, ровно огнем палит.

Тот мужик-то и вышел, поглядел вслед, жеребец и обезножел, так еле-еле до нашего дома приплелся, в пене весь. Послали за тятей моим, так он только прошептал чего-то, как жеребец вздыбился и пошел на махах, едва молодых не вывалил. Я вот все думаю, глупые мы были, у стариков ничего не переняли, а они многое знали, чего бы и нам, и внукам нашим сгодились.

Ну, а потом война началась, так скрутило, что небо с овчинку показалось. Остались без мужиков, без лошадей, все хозяйство на

бабьи плечи свалилось.

Надо весенне-посевные работы проводить, а не на чем, попробовали вручную копать, руки вытянули так, что от напряжения чирьи по рукам пошли...

Чего делать-то? Выручай, Белава! Выручай, милая!

Как вспомню сейчас, сердце кровью обливается. Одели ярмо на шею кормилице, прицепили плуг и в – поле.

Земля тяжеленная, к отвалу липнет. А чего силы-то осталось в Белаве моей, коль сами с голоду пухли... А она будто понимает все, упирается, что есть мочи, борозду ведет.

Всю весну на ней работала, а к концу пахоты сил не стало вовсе у Белавы. Как-то встала посреди борозды, и ни с места. А я и сама еле на ногах держусь.

А надо план давать, сводку каждый день в райком отсылают, на фронте хлеба ждут... Не выдержала я и огрела кнутом любимицу свою. А она только передернула крупом и стоит.

Я через борозду перевалилась и к ней, в глаза-то заглядываю и вижу: Бог ты мой, у Белавы моей слезы, что горошины, катятся. И такая в глазах этих боль и вина, что обхватила я ее морду и заревела в голос, и прощения у нее просила и войну проклятушую проклинала.

Ночью Белава моя померла. Утром пришла на двор, а она уж холодная...

Если на том свете есть коровий рай, так точно Белава моя в раю. Не зря она мне во сне грезится. Верно, к себе зовет. А я и сама последние лапти донашиваю на этом свете, только вот попаду ли в рай-то – не знаю. Ох, нагрели мы за время свое безбожное немало, и церкви наши лесом на куполах поросли...

Чемпион Вена

Знаменитая чемпионка Вена в последние годы жизни

Историю коровы Белавы записал я у старой крестьянки из-под поселка Молочное, который вот уже целое столетие является признанным научным центром Российского животноводства.

В самом Молочном обязательно поведают вам историю другой коровы, судьба которой могла бы лечь в основу целого романа.

Корову звали Веной. Взята она была в стадо, над которым работал молодой ученый-селекционер Алексей Емельянов, с крестьянского подворья деревни Митицино, что в пятидесяти километрах от Вологды. Ничем особенным не выделялась – обыкновенная ярославка из Домшинского племенного рассадника, заведенного еще земством.

Таких племенных рассадников до революции на Вологодчине было много. Наверное, некогда в недрах партийного политпроса родилось обидное определение дореволюционной северной крестьянской буренки – «корова – навозница», от которой проку и было только – поля удобрять.

Определение это переносилось на все северное молочное животноводство, Но тогда, скажите, откуда у нас мог появиться обширный маслодельческий промысел, который в начале этого века вывел Россию в лидеры по поставке на мировой рынок сливочного масла?

Конечно, были на Руси нерадивые хозяева, у которых коровы кроме навоза ничего не давали. Но большинство крестьян не стало бы держать корову ради навоза.

Племенная работа с молочным скотом на Севере велась уже много веков. Сначала ей занимались монастыри, через систему монастырей племенной скот проникал в крестьянские хозяйства, а уж позднее племенной работой вплотную занялись земства, организуя племенные рассадники породистого скота на территории всей Вологодской губернии.

Держать породистый скот было престижно. В 1911 году в Вологде прошла крупнейшая сельскохозяйственная выставка, на которой были представлены не только продукты и товары, производимые селом, техника для обработки земли и переработки сырья, но и племенной скот. Тогда лучшей коровой была признана корова предводителя Вологодского дворянства Андреева, коему и был вручен почетный Диплом и денежная премия. На базе андреевской фермы многие годы существовало под Вологдой племенное хозяйство, разрушенное ныне.

Сегодня лучшим в мире молочным скотом считается заморская голштинофризская порода. Однако, наши ученые порой шутят, что голштинофризы, есть не что иное, как испорченная хорошим содержанием наша северная холмогорка.

Холмогорская северная порода молочного скота имеет тысячелетнюю историю, и вполне вероятно, что поморские коровы являются далекими предками голштинофризского скота.

Иноземные купцы зачастую увозили из России не только меха и пеньку, но и скот для пропитания в дороге, для скрещивания со своим скотом. В тринадцатом веке Голландия подверглась такому наводнению, что весь скот ее утонул. Несомненно, что стада ее пополнялись через морской путь с Севера России. Так что Россия не только «лаптем щи хлебала да решетом воду носила». И не только царская, но и советская, колхозная.

В годы застойные и не столь давние любили у нас рассказывать такой анекдот: «На ферму в орденоносный колхоз «Родина» приезжает первый секретарь Вологодского обкома партии Анатолий Семенович Дрыгин, беседует со знаменитой дояркой, Героем Социалистического труда Клавдией Петровной Грачевой:

– Скажи, Клавдея, – спрашивает секретарь, – ты три тыщи от коровы надоить можешь?

– Могу, – уверенно отвечает доярка.

– А четыре?

– Могу и четыре, – подумав отвечает героиня

– Ну, я пять? – Не унимается Дрыгин – Могу и пять, и шесть, но ведь, Анатолий Семенович, синё будет.»

... Впрочем, разбавлять молоко водой в колхозе «Родина», которым командовал дважды Герой Социалистического труда, крестьянский самородок Михаил Григорьевич Лобытов, не было нужды. Коровы здесь и так доили по пять тысяч и шесть тысяч литров в год. Потому как уход за ними и кормление были настоящими.

И сегодня здесь, не смотря на всеобщий экономический развал, доят не меньше, а много больше. Некоторые коровы и вообще подбираются к мировым рекордам знаменитой Вены.

Но вернемся к корове Вене, родоначальнице современных рекордов.

В конце тридцатых годов прошлого столетия Вена стала бить один за другим мировые рекорды в надоях молока. А сороковом году ею был поставлен мировой рекорд, который долго не удавалось побить. Тогда суточный надой Вены составил 82, 4 литра! Восемь с половиной ведер!

Рассказывают удивительные истории об этой корове. Она настолько в своем коровьем сознании прониклась важностью поставленной перед нею задачи, что отдавала рекорду самую себя. Несмотря на усиленное питание \ кормили девять раз в день, а доили шесть \ кости ее истончились и стали хрупкими, так что на пастбище, рассказывают, ее возили на специально оборудованном автомобиле. Одна беда: от Вены не могли получить бычка. Для того, чтобы получить большое потомство нужен бычок, а рождались у Вены одни телочки.

Эта причина, должно быть, охладило отношение к Вене партийных органов, а соответственно и ученых, Когда началось война, то и вовсе было не до науки. Да и сам Емельянов был мобилизован и охранял с винтовкой военный аэродром.

Вена превратилась в обыкновенную корову, для которой весь рацион составляла охапка соломы Но и в этих условиях она еще долго давала рекордные надои за счет своих внутренних ресурсов, сдоилась с тела и стала похожей на обтянутый кожей скелет.

Не обошла Вену и участь коров военной поры. На ней пытались пахать и боронить. Алексей Емельянов вновь отыскал Вену уже после войны, с трудом узнав в ней бывшую чемпионку мира. Девять лет из-за бескормицы она не давала потомства, не годилась даже на мясо.

Но Вена узнала ученого, потянулась к нему, замычала жалобно. Емельянов решил вновь взять корову под свою опеку.

И поразительно: Вена в первый же год огулялась и принесла долгожданного бычка. И в этот же год дала три тысячи литров молока: надой, который считается для коров ярославской породы оптимальным.

Вена умерла своей смертью. Но и после смерти еще долго служила науке. Скелет ее был выставлен в качестве учебного пособия в Вологодском молочном институте. А мировой рекорд

Вены был побит лишь двадцать лет спустя кубинской коровой Убре Бланка – Белое Вымя, которая дала в сутки 127 литров молока, годовой надой ее составил свыше 27 тысяч литров.

В Гаване установлен памятник корове-чемпиону.

Беспартийный орденосец

Алексей Степанович Емельянов, будущий член=корреспондент ВАСХНИЛ и основатель Северо=Западного научно=исследовательского института молочного животноводства и луго=пастбищного хозяйства, начал свою деятельность в конце двадцатых. И начал ее довольно успешно.

На ферме Дитятьево под Вологдой коровы нашей отечественной ярославской породы, полученной от скрещивания местных пород, стали быстро прибавлять в надоях. Но у Емельянова нашлись недоброжелатели. В соответствующие органы поступил донос, что ученый скрыл свое социальное происхождение, а между тем отец его являлся священно служителем, попом и врагом народа. Емельянова исключили из партии.

А спустя какое=то время на Всероссийском съезде крестьян за высокие достижения в сельскохозяйственной науке \ по ферме Дитятьево был получен годовой надой в пять тысяч литров молока на каждую корову \ ему вручают орден Ленина.

Вышла какая=то путаница с документами, и сведения об исключении Емельянова из партии не дошли до наградного отдела. Емельянов вернулся в Вологду победителем.

Кинулись срочно восстанавливать его в партии, но оказалось, что ученый все эти годы в партии состоял. Он предвидел все и регулярно перечислял на партийный счет членские взносы.

Пройдет много лет, и увитый лаврами создатель уникального молочного стада и не менее уникального института, обласканный властями ученый, будет бесцеремонно изгнан из собственного кабинета собственным учеником, ставшим на какое=то время новым директором института.

К счастью, научная преемственность хоть и была изрядно подорвана, но не прервалась со смертью Емельянова. У него было много учеников и талантливых последователей, которые бережно хранят память о своем учителе и его заветы.

Луга медовые

Паводок в Присухоне

Институт не зря называется институтом лугового и пастбищного хозяйства. Дело в том, что мы, чаще всего не подозреваем, каким великим богатством располагаем.

Таких лугов, такого разнотравья нет ни в одной развитой сельскохозяйственной державе, где давно уже перешли на искусственно созданные луга и пастбища. А это значит, что нет и таких молочных продуктов. Знаете ли вы что такое заливной луг Вологодчины? О, это настоящий космос!

Представьте, что где-нибудь на лесной полянке за десятки километров от большой реки вырастает под солнцем былинка, цветочек аленький. Уронит он после Петрова дня семена свои на землю, а потом вьюги и метели укроют его, а по весне, как растопит снега солнце, подхватит семена эти быстрый ручеек, понесет к ручью большому, из большого в речку малую, из малой в большую реку. А как подпрут воды бесчисленных ручьев и речек Сухону – реку, как переполнится она склень, упадут миллиарды семян, принесенных за сотни верст на речную пойму и месяц спустя поднимется в поймах тех буйное медовое разнотравье, от которого голова кружится и сердце молодо стучит.

А знаете ли вы вкус настоящего вологодского масла? О, этот вкус воистину неповторим! Возьмите на ложечке немного настоящего вологодского масла, положите его на язык, разогрейте чуть, и языком раздавите о небо. А теперь вдохните в себя воздух! Чувствуете его особенный ореховый вкус и аромат замирающего под жарким солнцем медового разнотравья.

Американские специалисты, приехавшие в Вологду учить наших крестьян выпускать конкурентоспособное на мировом рынке продовольствие, были потрясены неведомым им вкусом вологодских молочных продуктов. Таких продуктов по их заверению не пробовал даже президент Соединенных Штатов!

Чтобы получить настоящее вологодское масло нужно еще иметь корову ярославской породы. От голштинофризской коровы его трудно получить, как не получить от отсфризской, айширской... Потому что молоко у них по структуре своей другое. Дело в том, что у ярославки жировые шарики по размерам своим гораздо мельче, чем в молоке от других пород, а каждый жировой шарик покрыт лицетиновой белковой оболочкой, которая при длительной пастеризации подгорает и дает тот самый насыщенный ореховый вкус.

Казалось бы, чего не хватает нам, вновь стать лидерами на мировом рынке по поставкам такого замечательного продукта, вкус которого недоступен сегодня даже американскому президенту?

Коровья психология

Однажды на Вологодском областном партийно-хозяйственном активе выступал член=корреспондент ВАСХНИЛ Алексей Степанович Емельянов. Выступал с докладом о научно=обоснованных методах кормления коров. Не зря говорят, что у коровы молоко на языке. И тут докладчика прерывает первый секретарь обкома партии А. С. Дрыгин:

– Вот вы говорите, что корове нужно в день девять кормовых единиц. Тогда скажите, почему в Усть=Кубенском районе дают четыре единицы, а доят по три тысячи с лишним?

Емельянов обернулся в президиум.

– Знаете, Анатолий Семенович, этот феномен наука не в состоянии объяснить. Его можно объяснить только с партийных позиций!

Зал грохнул. Хотя смешного, если разобраться, в этой шутке совсем мало.

На самом деле кропотливая селекционная работа, которая велась на протяжении столетий, в веке двадцатом и большей частью колхозном, зачастую жестоко подрывалась следованием не здравому научному смыслу, а партийным лозунгам.

Кажется невероятным, но колхозная корова стала учитывать партийную идеологию и искать против нее свои предохранительные меры. Известно, что главным врагом нашего колхозного села была погода, которая не баловала земледельца: то весна поздняя, то осень ранняя, то недород, то проливные дожди.

И катились чуть ли не ежегодно с Севера на Юг обозы с лесом для обмена на солому, а с соломы много ли проку.

Чем отличалась наша колхозная корова от коровы западной? Прежде всего, психологией. Западная не думает о том: накормят ли ее завтра, подоят ли? Она все свои ресурсы на главное дело – производство молока направляет.

А наша российская корова опытом не одного поколения научена, если сегодня в кормушке много, то это не значит, что и завтра поесть дадут.

А потому она про запас в себе ресурсы откладывает, чтобы в трудную минуту с голоду не помереть. Стыдно, право слово, господа, перед скотиной стыдно при наших-то богатствах, при наших необозримых просторах скотину впроголодь держать!

Тут уж надо в нашей с вами психологии разобраться. Если коровье стадо с человеческим сообществом сравнивать, то такое сравнение, думаю, будет не в нашу пользу будет.

Вот к примеру, собирают стадо коров на одном дворе. И начинаются у них внутренние разборки, междоусобица. Одна другую норовит рогом поддеть, третья копытом соседке в брюхо метит. Рев, шум, надои на самую низкую отметку падают. Совсем как у нас, у людей. Но и разница большая есть.

Через десять дней в стаде коровьем иерархия внутренняя устанавливается и воцаряется мир и покой, надои опять же вверх идут.

На земле будущего

В начале этого века департамент земледелия Соединенных Штатов Америки провел грандиозную работу по определению перспективных сельскохозяйственных угодий планеты.

Руководил этой работой академик Криштафович, бывший земский агроном из Архангельской губернии.

Результаты этой работы были для многих специалистов неожиданными.

Самыми перспективными землями будущего признавались земли Северо-Запада России. Та самая зона рискованного земледелия, Нечернозёмка...

Почему тогда они – земли будущего? А потому, что здесь никогда не бывает засух, здесь достаточная температура для созревания растений, здесь обилие не прямой солнечной радиации, выражающееся в длинном световом дне, И здесь, наконец, достаточное плодородие почвы. А лессовые почвы, очень урожайные, доходят до среднего течения Печоры.

При развитии новых технологий выращивания сельско-хозяйственных культур, промышленном производстве удобрений, эти выводы вовсе не кажутся фантастическими.

А сегодняшние прогнозы экологов подтверждают выводы команды Криштафовича. Глобальное потепление климата приведет к тому, что в 21 веке вся тяжесть продовольственного обеспечения планеты ляжет на Канаду и Северо- Запад России.

Так что же мы тогда, россияне, вот уже тридцать лет бодаемся, шумим, за место под солнцем боремся, про дела свои забыв. Слушаем экспертов, которые вешают нам на уши лапшу о несостоятельности сельского хозяйства на Русском Севере.

Пора бы уже и за ум братья. Как там в песне поется?

«А ни коровы, ни козы

Не коси, не майся...

Только с милым на печи

Лежи да обнимайся!»

Зубры селекции

В тот вечер мои ожидания не оправдались. Зубры на кормежку не вышли. Было ветрено и студёно.

Пришлось, забыв об опасности, отправиться к ним в логово – самую гущу леса.

Удивительно видеть в наших северных лесах этих могучих былинных зверей. Некогда почти полностью истребленных человеком

История вологодских зубров – родственников северо-американских бизонов, – такова.

В 80-х годах наша сельскохозяйственная наука пыталась решить проблему мяса и молока одновременно, скрестив зубров с коровой. Эта работа была поручена Северо-Западному научно-исследовательскому институту молочного и лугопастбищного хозяйства. В вологодские леса было завезено несколько зубров. Сначала их выпустили на территории национального парка «Русский Север», однако зубрам, видимо, не понравились почвы парка – сырые и болотистые. И они отправились на поиски пригодных условий. Скоро из стали замечать в деревнях Устье-Кубинского района

Эти встречи стали потрясением для местных жителей. Встретить в лесу былинного зверя, косматого, рогатого, размерами своими в два, три раза превосходящего корову, не каждому по нутру. Ведь вес отдельных особей достигает у зубров более тонны. Рассказывают, что у некоторых хозяев эти восемь вольных зубров, предназначенных для опытов по скрещиванию с черно-пестрым скотом, за ночь съедали все приготовленное на зиму сено...

Я сам видел, как зубры подобно половнику раскатывают по полю специально для них привозимые рулоны сена. Тогда еще была надежда, что ученые выполнят задания партии и правительства и на наших прилавках появятся ценное дешевое мясо, продукт селекции и целебное, жирное молоко. Надо сказать, что жирность молока у зубрих достигает 12—14 процентов. При этом питаются ветками и травой, добываемой из – под снега копытами... Перспективы были самые радужные.

И тут нагрянули лихие 90 – е годы. Без финансирования остались не только зубры, но и сами ученые.

Но жизнь не стоит на месте. И битва за большое молоко, за корову, мифическую Земуну прародительницу славянского племени, превратившуюся сначала в корову навозницу, из нее в колхозную корову, а теперь корову рекордистку, более напоминающую станок для производства молока, продолжается.

Сколько замечательных людей встретилось мне на этом пути. Чтобы понять весь драматизм борьбы за новую корову у нас в стране, я встретился с академиком РАСХН Петром Никифоровичем Прохоренко.

Петр Никифорович хорошо знает историю развития молочного животноводства на Вологодчине, знаком был с нашими учеными Емельяновым и Кривенцовым, которые занимались генетикой молочного скота и достигли больших успехов. Бывал и Вологде, встречался с нашим Дважды Героем Социалистического труда Михаилом Григорьевичем Лобытовым.

До недавнего времени он возглавлял институт генетики животноводства под Санкт-Петербургом, а сейчас, оставив за собой отдел генетики, активно продолжает заниматься сельскохозяйственной наукой. Поэтому его взгляд на развитие молочной отрасли в стране кажется мне чрезвычайно интересным, как и сама жизнь академика.

С иностранным клеймом в ухе...

Черно-пестрая голштинизированная корова.

Западные аграрии русский Север красят в белый цвет, как территории, на которых невозможно сельское хозяйство, поскольку здесь отрицательная среднегодовая температура. Этот посыл не более, как лукавая, зловредная пропаганда.

Прохоренко не склонен идеализировать западную цивилизацию. Хотя бы потому, что на его глазах, а было ему в ту пору шесть лет, немцы устроили показательное сожжение в мельнице половины населения деревни Кирилловки, среди которых были в основном дети, женщины и старики. Сожгли для порядка...

Прохоренко во многом открыл мне глаза на происходящие процессы в молочном деле России. И я хочу, чтобы эта победная информация согрела сердца тех, кому дорого наше северное село.

– А скажите, Петр Никифорович, а правду ли говорят, что у нынешней, прославленной во всем мире коровы голштино-фризской породы, корни-то холмогорские?

– Да, здесь есть момент истины. Голштино-фризская порода произошла из Голландии, от голландского скота. А корни голландского скота есть в холмогорском скоте. Как и в голштино – фризах есть корни холмогорского скота.

– Говорят, что в Голландии в 13 веке было большое наводнение и весь скот у них погиб. И, восполняя стадо, они привезли морем часть скота с севера России.

– Наука генетика в животноводстве, она многие другие науки еще в себя вбирает. Это, прежде всего, история. Да, да. История и генетика вместе идут.

Я хотел бы сказать несколько слов про голштинскую породу. Американцы себе на континент голландскую породу еще в 17 веке завезли. До 90-х годов прошлого века еще завозили.

Но в это же время шла селекция молочного скота в Америке и Канаде, шла в других направлениях, чем в самой Голландии.

Голландцы стремились создать комбинированный тип скота, чтобы было сразу молоко и мясо.

А Америка, сразу, как завезла голландский скот, сделала ставку только на интенсивную селекцию по молоку – молочный тип. И в результате получилась голштинская порода, которая по молоку не превзойденная.

Мировой рекорд за этой породой. 32 тысячи килограммов молока за лактацию.

– Это сколько же в день надо доить?

– Это в день, давайте разделим на 365, это очень много.

– Где-то под сто килограммов

– И в результате этого голштинская порода начала распространяться по всему миру. И она сейчас среди всех семи пород мира занимает первое место – голштинская порода. Первая порода на земном шаре.

В 50-е годы в Советском Союзе животноводство стало переходить на промышленную технологию, выбор пал на черно-пеструю породу, от которой можно было получать мясо, и молоко.

Но она резко уступала по молочной продуктивности. А самое главное, она уступала по технологичности. Переходили на доильные, высокопроизводительные установки, вымя было не развито, скорость молокоотдачи была очень низкая: 1,1 – 1,2 литра в минуту, когда у голштинов уже было два килограмма в минуту.

И поэтому было принято решение использовать на нашем черно-пестром скоте голштинскую породу. В 82-м году мы разработали программу улучшения черно-пестрой породы в Советском Союзе.

Этой программой предусмотрено было выведение 12-ти внутри породных типов: Московского, Ленинградского, Литовского, Уральского, Сибирского, Украинского... Двенадцать типов скота на основе использования голштинов на базе нашего черно-пестрого скота.

И вот, когда мы начали использовать быков-производителей, и получили первое поколение скота от скрещивания, то сразу скорость молокоотдачи увеличилась. Вымя получилось очень приспособлено к доильным установкам, равномерно развито... Это были прекрасные результаты.

Это было в 82—83 году. Вот под Ленинградом у нас были выделены базовые хозяйства. Это знаменитые племзаводы: «Лесное», «Петровское», «Детскосельский», «Раздолье», «Рассвет», «Тарасово». Семь хозяйств. И за каждым хозяйством были закреплены научные сотрудники. Вот у нас создалась сильная лаборатория черно-пестрого скота, а наш колхоз «Лесное» был признан лучшим племзаводом Советского Союза.

Он оказал огромное влияние на черно-пестрый скот, в том числе и в Вологодской области.

И вот началась перестройка, реформы. Начался откровенный грабеж государства. Было закуплено около полумиллиона коров за границей. Это гигантские деньги, потраченные впустую, растраченные!

Наш институт и лично я доказывали, что не надо завозить чужое маточное поголовье в страну, тут можно завезти и лейкоз, и генетические нарушения, и так далее.

Я выступил в газете с большой статьей, что можно завозить только быков высокоценных, сперму и эмбрионы. Вот эта статья: «Корова с иностранным клеймом».

А «Рослизинг» и Скрынник, бывший министр, сейчас она опять поднялась в гору, не знаю почему. Он тогда был руководителем «Рослизинга». И я осудил в газете практику распространяемую «Рослизингом» покупать маточное поголовье.

И мы, Ленинградская область – единственная область, которая пошла по своему пути, отказавшись покупать и завозить маточное поголовье.

И что же получилось? Коровы иностранки приезжали, акклиматизацию проходили, молоко давали год – два и дальше эксплуатация их оказывалась невозможной.

– Даже на мясо не годились эти коровы?

– Да.

А Ленинградская область под руководством нашего института, не допустила чужой скот на комплексы. И вот, эту статью я посылаю министру Гордееву, Скрынник в «Рослизинг» и нашему президенту Российской сельхоз академии Романенко Геннадию Алексеевичу.

И, представляете, я думал, они хоть почитают, одумаются.

Я выступал в академии несколько раз. И вот в 2007-м году меня вызвали на заседание академии, пригласили на трибуну рассказать о программе дальнейшего развития института.

И тут Романенко – президент академии говорит:

– Вот идет писака!

– Я говорю:

– Что вы имеете в виду, Геннадий Алексеевич?

– Вы сам знаете.

И представляете, на этом президиуме мне отказали в продлении контракта на заведование институтом.

А потом уже наш же президент в своей статье в «Сельской жизни» написал, что Академия предупреждала, что нужно завозить быков, эмбрионы и сперму, а не везти маточное поголовье...

– Я думаю, может быть, тут личные интересы были? Триста тысяч племенных коров купить, это вам не баран начихал...

– Ну, завезли не триста, а полмиллиона. Затрачены гигантские деньги.

А наша Ленинградская область – единственная область, которая своих, черно-пестрых коров осеменяет быками улучшателями.

Так работает Европа, так работает и наша Ленинградская область. И вот в результате этой работы в Ленинградской области создан ленинградский тип скота. Он апробирован, как селекционное достижение. Высшее достижение в селекции «Ленинградский тип»: 12 тысяч литров – годовой удой.

А так как это базовое хозяйство, у нас создается племенная база в Ленинградской области – 60 племенных хозяйств по оптимизированной породе – 60 племенных заводов.

Сейчас идет интенсивный перевод скота из черно-пестрой породы в голштинскую. Пять лет назад я выступил в научном журнале, что мы должны аттестовать наш скот, как «голштинская порода России».

Так сделали все европейские страны – Голландия поглотила скот голштинами, Германия, Прибалтика. И называют: «голштинская порода Эстонии», «голштинская порода Литвы», «голштинская порода Германии», «голштинская порода Франции». И так далее.

Так вот, наша популяция, эти 60 племзаводов – это самая лучшая племенная база России.

Ленинградская область сейчас занимает первое место по надою в России – 8200 килограммов в год от коровы. А по племенным хозяйствам по этой голштинской породе, если взять только по голштинизированным племзаводам – наш скот превзошел чистопородных голштинов.

Вот есть бюллетень – 28 стран мира ежегодно печатают о своих результатах – Всемирная ассоциация голштинов. Так вот, Ленинградская область превзошла по удою чистопородных голштинов в 14 странах мира. Какие это страны? Франция, Бельгия, Ирландия, Швейцария, Словения, все наши прибалтийские – Литва, Латвия, Эстония, Польша, половину европейских стран мы превзошли.

– Вот вам и Нечерноземье, вот вам и страна, в которой невыгодно заниматься сельским хозяйством!

– А племзаводы, я назову их: Гражданский, Петровский, Гомонтово, – являются лучшими не только в России, но и лучшими в Европе.

Неудача Лысенко

Мой стаж 57 лет, после окончания Ленинградского сельскохозяйственного института меня попросили быть бригадиром опытной станции и опытной фермы в Новгородской области, где проводилась работа по повышению жирномолочности.

Я первый получил там серебряную медаль выставки ВДНХ. Удой был пять пятьсот, 4,5 процента жира.

Я там чуть не погиб. Там была ручная случка, так требовал Лысенко. Был один чистопородный джерсейский бык.

Женщина выводила быка, причем как-то они с ним легко обходились, выводили на веревке. Я стоял в стороне однажды, а он, бык, резко повернулся, едва не задел доярку. А его щелкнул прутиком.

Прошла примерно неделя. Я стою, выводят двух коров, они уже привязанные стоят. Приводят этого джерсея.

Я стоял спиной, чувствую мощнейший удар. Но я счастливый человек. Сейчас он меня раздавит, поднимет на рога! Что меня спасло? В носу кольцо у быка, к которому привязана толстая веревка, а на конце этой веревки был узел.

Я лежу, доярки кричат благим матом, я смог еще отползти еще немножко. И вот веревка попала быку между копытной щелью. И он ревет, а шагнуть не может, притянут за кольцо.

Меня оттащили, на скорой в районный центр привезли. от фермы был четыре километра. Туда отвезли и я пролежал 20 дней. У меня было сломано два ребра.

Еще можно немножко про Лысенко хотелось сказать. Он использовал джерсейских быков. Он сказал: будет три пятерки: пятьсот килограмм веса, пять тысяч удой и пять процентов жир.

И вдруг приезжает гонец из Москвы, доктор Дунаев с задачей взять пробы молока от потомков лысенковского быка Размаха, который стоял у нас в подсобном хозяйстве и привезти ему в Москву. И как развиваются события. Прошло еще четыре месяца, как я поступил в аспирантуру, я жил вот тут в комнатке на десять метров, у меня был сын, жена...

Вызывает директор меня: «Петр, – он кому доверял, того по имени звал, – я повезу тебя до Агалатова, чтобы взять пробы молока от коров быка Размаха.»

Собрался, там ночевать надо было. Взял кусок колбасы, полбуханки хлеба, ящик с бутылочками для проб. И поехали. Приезжаем туда, а стадо уже угнано на отгонное пастбище в район Ильичёва – историческое место, где в шалаше скрывался Владимир Ильич Ленин. До этой фермы еще семь километров пешком. Ну, я и пошел... Пока добрался, коровы пришли с пастбища, уже привязывают их. Я сказал старшей, что вот я из лаборатории, у меня задание – взять пробы. А там было девять доярок.

Все, беру пробы, консервирую и ставлю. А бык – Размах, у него была красно-пестрая масть. И он буквально печатал, не надо быть специалистом, вы придете и скажете, где дочери этого быка. По масти сможете определить, вот Размах – исторический бык. Ну, вот я беру пробы, настроение хорошее. Слышу в углу разговор приглушенный, ссорятся доярки: одна, Марьей звали, матом на соседку:

– Он будет мой. Ты недавно с мужиком имела дело, а я уже месяц одна.

– Е-мое, – думаю, это ведь меня делят, – я даже вздрогнул. И то верно, после войны мужиков по деревням было мало.

Ладно, пробы взял, законсервировал, поставил в ледник, где молоко хранилось. Там была казармы, в ней были полати, сено наложено, одеяла набросаны. Фонарь закопченный висел, стол.

Вот мы стали ужинать. Я свою колбасу, хлеб, в общий котел положил.

Лег на нары с самого края от дверей, и как будто захрапел, слышу, эта Марья, у них там было у каждого свое одеяло, она лежала в конце барака, переползла через одну, через другую, уже ругань идет. Я соседку толкаю, говорю:

– А где у вас туалет?.

– А что? Зайди вон за дверь.

Ну, я вышел за дверь, думаю, что же делать? А на каждой ферме, может, и у вас в Вологодской области, была водогрейка. Избушка такая, там печь мазанная, большой котел такой.

И когда на ночь уходили доярки, они закладывали дрова, вода нагревалась, утром брали ведра и подмывали коров.

Я, значит, думаю, если вернусь, то будет драка, а потом я жену свою люблю и случайные связи мне не нужны. Я зашел в водогрейку и закрылся на крючок изнутри. Там на котле была деревянная крышка большая.

В печке были дрова сырые, они потихоньку горели, я залез на этот котел на крышку и стал ждать утра. Ну, и конечно, уснул. И надо же мне было повернуться, и я улетел в этот котел...

– Не смешно

– Да, я еле вылез, вода еще не горячая была, а тепленькая была. Я разделся, одежду выкрутил, повесил на эту печку. Немножко обсох. В пять часов, доярки уже идут. Ну, а в этой водогрейке.

Эта Марья набирает воды:

– Так вон где он прячется.

Слушай, начал я брать пробы. Она – нет, ни в какую:

– Откуда приехал, туда и езжай, и все.

Еле-еле уговорили всем миром:

– Это же научная работа в Москве, нужно доставить пробы.

Вот эти пробы взял и потом восемь километров, потом на автобус... Я приехал только в два часа дня. Михаил Михайлович сидит с Дунаевым, беседует на большие темы. Ну, приехал, привез. Значит сразу эти пробы опломбировали, но даже в лаборатории не было центрифуги. Она была в Павловске, вот у нас город Павловск тут. Там ведь и Павловский дво-

рец, и музей большой. Там был лаборатория, повезли крутить жиры. Ну, я пошел пообедать, немножко поспал дома. Вдруг меня опять вызывают. Привезли пробы, прокрутили. И жирность – самая высокая у одной коровы был – 3,8, а то 3,2—3,3.

Нет пяти процентов лысенковских. Ему возвращаться надо – этому Дунаеву. Он: «Петр, надо еще съездить раз, взять пробы». Послушай, я прямо вот так: «Не поеду! Исключайте из аспирантуры».

Общая судьба

Приходится только удивляться насколько схожи судьбы героев, собранных в этой книге. Вот я не удержался, чтобы рассказать историю рода Петра Никифоровича, главного ученого специалиста по молочному скоту.

– Село Кирилловка историческое, – Рассказывал Прохоренко. – Их в Советском союзе было три Кирилловки. Первая – наша на Брянщине, вторая Кирилловка – в Алтайском крае, и третья – на Украине, где родился поэт Тарас Шевченко.

Я хотел бы сказать, что у нас была очень работающая большая семья. Отец Никифор Артемович имел четыре класса образования, мать – Улита Тимофеевна, два класса, они колхозники были.

У матери фамилия Куликова, у деда, то есть у ее отца Тимофея, было девять детей.

И вот Улиту он отдал в монастырь на реке Снови. Она пробыла там два года. Однажды девочка прошла лес за грибами, бросила корзинку и прибежала домой. И она упала перед дедом и сказала:

– Я не хочу в монастырь.

Дед сказал:

– Нет!

Дед Тимофей был жестокий человек. Тогда девочка сказала ему:

– Я лучше утоплюсь, но не вернусь в монастырь больше.

И бабушка Евдокия заступилась:

– Оставь!, – говорит.

Вот такая мать у меня была – Улита. И вот продолжают события. У отца моего отца – это дед Артем Павлович, тоже было девять детей, и всё дочери.

Бывало родится очередная дочь, он выругается на бабушку, и пойдет с горя в лес.

А генетика показывает, что от бабушки ничего не зависит, пол зависит только от мужчины.

И вот, наконец, десятым в 1909 родился Никифор Артемович, мой будущий отец. Дед был работающим, плотник, столяр. И вот когда отцу было 17 лет, умерла бабушка Евдокия – деда Артема жена.

И вот дед говорит:

– Ну, что, сын, кто будет жениться?

Отец такой был боевой:

– Я буду жениться.

А в семнадцать лет не регистрировали.

Кое как уговорили власть и зарегистрировали брак.

Нас было у деда семь внуков, вот у деда были дочери, а у отца были только сыновья.

И вот, я помню, голодные годы, сад был небольшой, но яблоки были.

– Ну, внуки, яблоки посчитал.

И вот, бывало, сорвешь, о песочек потрешь, говоришь ему: —

– Дедушка, упало.

– Покажи. Ну, хорошо, одно со счета сниму.

Вот как было. Значит, пошла коллективизация, уже родился брат Филипп – 1927 год, и потом уже где-то 1931 года Федор – первые братья мои. Отец вступил в партию.

А вот у матери деда Тимофея раскулачили. Он был инвалидом, не ходил, а шаршился, опираясь на палку.

Что у деда было? У деда была пасека – 50 ульев. И там небольшая речушка, на речушке водяная мельница.

Вот я сейчас узнал, что для каждой деревни был доведен план раскулачивания. У нас в Кирилловке было раскулачено 28 семей.

– А дворов сколько было?

– А дворов около трехсот.

– Ну, каждый десятый...

– Да, причем раскулачили, а не хватило все равно до плана. Вот и пришли раскулачивать деда. Сыновей – сразу на высылку.

Все семьи наши выселялись в Омскую область. Они рассказывали, что два года жили в землянках. И пол был ледяной, зимой морозы в Омской области какие были!

Ну, короче говоря, пришли деда раскулачивать. Дед сидел на скамеечке с палкой в полушубке... И стали стаскивать с него этот новый полушубок и тут оторвался рукав:

– Ну, черт с тобой, оставайся.

Короче, говоря, сыновей на высылку, а деда оставили жить в этой деревне. Ну, куда везти его больного!

А потом, когда мой отец с матерью уже жил, дети родились, отец вступил в партию. И вот отца вызывают на партсобрание, вопрос поставили:

– Или ты остаешься с кулацкой дочерью жить или положи партбилет.

Что делать? И дед ему говорит:

– Эх ты, таких красавцев парней двоих ты поменяешь на партбилет?

И отца исключили из партии, что не развелся. Вот какие были времена.

Свидетелем в Нюрнберге

...Наше село партизанское. Там леса на берегу Снови. Наши многие были в партизанах. Командир партизанского отряда был Романенко Кирилл Иванович. А он был женат на сестре моей матери. Но она умерла при родах и остался сынок Николай Кириллович. И он был разведчиком у отца в партизанском отряде.

И вот, что случилось в феврале сорок второго года. Наша деревня – две улицы параллельно, посередине храм. И вот один край деревни примыкал к кладбищу. И партизаны вошли, а тут нагрянули немцы. Мороз сильный был еще в феврале.

И партизаны убили двух немцев и двух ранили. Убитых партизаны забрали, а этих ранили. И еще последний свидетель рассказывала. Там колодец был, и эти немцы просто визжали и стрекотали по-немецки. Ну, раненые, мороз, и они замерзшие погибли.

Через неделю немцы на лыжах, в белых халатах окружили всю деревню.

И это было 9-го марта, кажется, и всех жителей собрали посреди деревни, где клуб. Клуб деревянный, крыша была соломенная, окон не было, загнали в этот клуб около двухсот человек с детьми. Воткнуты были пулеметы. Мне было пять лет только.

Я, Федька был. Всех туда согнали и стариков. Всех расстрелять хотели. Но был учитель Бохаревский, он вышел на сцену и встал на колени просить, что это невинный народ, никто здесь не участвовал в убийстве солдат.

Короче, говоря, офицерам ноги стали целовать, Боже мой. Потом они сказали: «Кто проживает в конце деревни, где кладбище, где свершился бой?».

Ну, люди думали, может спросить хотели что-то, вышли. Отсчитали тридцать два человека: девочки, старики, бабки, в коридор выгнали, всех раздели наголо, там примерно сто метров мельница крупорушка.

У нас там много сеяли гречихи, вот там лошади ходили, таскали жернова и крупу из гречихи делали. И их погнали по снегу голых, снега была по колено.

И зажгли. Стон был страшный. И так же зажгли деревню, пол деревни сгорело, все сгорело. И, представляете, только один мужик Иван Мигда в выскочил через соломенную крышу. Так он задрал ее и выскочил, и тут его из пулемета сразу посекали.

Наша деревня была обвинителем на Нюрнбергском процессе. В сентябре месяце 44-го года я пошел в первый класс. Нас тогда уже было пять братьев.

Филипп – единственный из братьев с 1927-го года участник войны, инвалид. Потом окончил пединститут – учителем был. Федор, он окончил Киевский политехнический институт, работал главным энергетиком завода в Белоруссии – Гомсельмаш. Я закончил сельскохозяйственный институт в царском селе в Пушкино. Григорий тоже закончил институт и Василий. Вот нас пять братьев.

В Кирилловку нашу я каждый год ездил, чтобы помянуть тех людей, которые сгорели. Я выступал там неоднократно, ветераны были. Но уже в прошлом году последний ветеран умер, который помнил – эту трагедию.

Пастораль без коровы

И вот ездим мы с Валерием Татаровым по следам великого организатора молочного дела в России Николая Васильевича Верещагина.

И что снова поражает в поездках по проселкам, удивляет и печалит журналиста из Питера, это опять же отсутствие в ландшафте нашей вологодской родины милых сердцу картин с пастушком и стадом коров у реки или речушки на заливных, исходящих медами и живительными соками плодородных лугах...

Луга были в самом nepocтижимом количестве, зарастающие уже кустарником и лесами, в лучшем случае дурной травой и борщевиком. Но не было коров в этом прославленном краю молочных рек с кисельными берегами. Чтобы не быть голословным, скажу: действительно молочном краю, поскольку в конце восьмидесятых Вологодская область производила более 800 тысяч тонн молока ежегодно. А Дрыгин, первый секретарь обкома партии, с именем которого связаны все успехи области в развитии вологодского села, ставил задачу выйти на миллион тонн...

К сожалению, за тридцать лет демократических преобразований и либерализации рынка, реки эти обмелели почти в половину, не смотря на успехи отдельных хозяйств, опередивших не только достижения социализма, но и местной региональной науки.

И мы снова отправились в ближайшее хозяйство от Вологды в племенной завод «колхоз «Родина» к Шиловскому Геннадию Константиновичу, одному из немногочисленных корифеев нашего села

Этот вот колхоз, а ныне племзавод, и станет заглавной буквицей в наших размышлениях о судьбе нашего сельского хозяйства и в целом северной русской деревни.

...Стояла замечательная пора золотого бабьего лета. Перелески сияли багрянцем, золотом, еще не поникшей зеленью, серебряные паутины летали в воздухе, в бескрайних полях «Родины» гудели комбайны. Вот она наша северная пастораль...

Но без тучных стад. Без единой коровки... И Валерий тут же атаковал Шиловского.

– Геннадий Константинович! Где ваши знаменитые коровы? Или их нет у вас вообще, а в магазинах продают полученное химическим путем молоко, синтезированное из травы либо зерна.

Шиловского этими вопросами не смутишь. Сколько их: журналистов, хроникеров, начальства всякого прошли через его легендарное хозяйство и у всех первым вопросом был этот: «А где коровы?»

– Не пасем коров уже много лет. Зеленой травкой давно коров не кормим. У нас единая, научно-обоснованная система кормления – кормосмесь.

И в этой кормосмеси мы даем все питательные вещества, которые нужны корове, чтобы она доила 8—9 тонн молока в год. И надо заметить, что при таком кормлении и содержании коров, молоко по качеству лучше, чем молоко, полученное от коровы на пастбище.

– Как так может быть? – Воскликнули мы оба.

– В нашем молоке, полученном в условиях фермы, – высокое содержание белков, высокий жир... Это за счет содержания и кормления. Посмотрите, мы закупаем: соевый шрот, это выжимки после получения масла, подсолнечный шрот, закупаем патоку, сахарин... Примеси, обогащенные витаминами даем. Если этого не будет, то состав молока будет другим уже. И Вологодское масло получается несколько не хуже из молока от коровы, которая не выходит на пастбище. Если соблюдать технологии.

И тут Валерий не выдержал. Ему все же хотелось увидеть на лугу пасущуюся корову.

– Я так думаю, своя корова, которая целыми днями пасется, она лучше, чем корова из комплекса. Ну, вот по логике вещей, так? Разве я не прав?

– Это, друзья, сегодня просто не реально... – Отвечал рассудительный Шиловский. – Лет 15-ть назад мы ушли от выпаса скота на пастбище. И, первое, почему бросили это дело, потому что у нас были жесткие требования, предъявляемые фирмой «Данон», с которой мы ведем дело, по качеству. Именно по качеству молока, полученного на пастбищах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.